

[Бо Юй]: Как самый важный кинопроект корпорации Бо в этом году, ни в коем случае нельзя допускать никаких послаблений. Декорации в Хэндяне сделаны слишком грубо, а страховочные тросы недостаточно безопасны. Я могу добавить инвестиций, ты переделай...

Слова «переустановить декорации» ещё не успели появиться на экране, как телефон выхватил Гу Цичи.

Юноша только что вышел из душа, был одет в свободную пижаму, волосы ещё не высохли.

Чёрные волосы мокро прилипли к лицу, кое-где спутались на затылке, шея тонкая, изящно изогнутая. Капли воды стекали по прядям, от мочек ушей вниз, смачивая кожу, скатывались к ключицам, где в ямочках скопились небольшие лужицы.

В ванной было жарко, отопление работало на полную, на лице Гу Цичи непроизвольно проступил лёгкий розовый румянец, словно у цветущего персика, постепенно расплывающийся от уголков глаз и бровей, поразительно красивый.

Господин Бо почувствовал, как сердце пропустило удар, и мысли его унеслись вдаль, представляя то, что в реальности было невозможно.

Например, как Гу Цичи сопровождает его так и эдак, или как Гу Цичи помогает ему сделать то и это.

Но, увы, идеалы полны, а реальность сурова.

Гу Цичи взял его телефон, суставы пальцев были розоватыми, словно размытые чернила, пальцы белые и длинные. Он быстро стёр весь текст в диалоговом окне и заменил его на четыре слова:

[Бо Юй]: Снимайте как можно скорее.

От Линь Шуанъи быстро пришёл ответ:

[Линь Шуанъи]: Не волнуйся. Когда этот сериал станет хитом, не забудь угостить меня пару раз.

Бо Юй смотрел на безвозвратно изменённый диалог, брови опущены, тонкие губы сжаты.

От природы у него высокие надбровные дуги, глубокие глазницы, прямая спинка носа, черты лица резкие и холодные. Когда он так пристально смотрел на человека, невольно усиливалось чувство давления, возникало ощущение, будто на тебя уставился хищник.

Честно говоря, было немного жутковато.

Все сотрудники корпорации Бо знали: когда Бо Юй появлялся на совещаниях с таким выражением лица, значит, либо им, либо конкурентам не поздоровится. Но учитывая, что у корпорации Бо не было реальных соперников, обычно страдали именно сотрудники.

Гу Цичи же совершенно не обращал на это внимания. Он опустил глаза, выражение серьёзное, те самые миндалевидные глаза, похожие на цветы персика, не несли и тени легкомыслия, лишь лёгкую отстранённость.

— Бо Юй, это моя работа. Ты не можешь использовать своё положение в личных целях и вмешиваться в мой рабочий процесс.

Бо Юй промолчал, по-прежнему недовольный.

Если бы несколько месяцев назад кто-то сказал Бо Юю, что найдётся человек, который осмелится выхватить у него телефон, помешать его решению и даже дерзко ему противостоят...

Бо Юй, несомненно, усмехнулся бы, кончик сигары в его пальцах вспыхнул бы багровым, он медленно выпустил бы кольцо дыма и сказал бы тому, что с самого первого шага это невозможно.

Он никогда не позволит кому-то просто так приблизиться к нему, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к его телефону — это очень личная вещь.

Бо Юй, вероятно, сбросил бы такого наглеца, не знающего меры, в свои частные воды на корм акулам.

Если бы тот человек продолжил и сказал ему: ты будешь терпеть его, потакать ему, не ради чего-то, а просто потому, что любишь его...

Бо Юй, несомненно, затушил бы сигару и без колебаний бросил бы этого хвостуна первым.

Но сейчас Гу Цичи, не знающий меры, стоял перед ним, держа его телефон, одетый в приготовленную им пижаму, живший в его доме и даже деливший с ним ложе...

Бо Юй кончиком языка упёрся в небо, пытаясь договориться:

— Методы съёмки Линь Шуанги меня устраивают, но два месяца — это слишком долго. Я могу не вмешиваться в работу съёмочной группы, но я хочу приезжать на площадку...

— Нет.

Его переговоры были резко прерваны. Гу Цичи сжал губы, прямо глядя на него, ресницы всё ещё были влажными, нежные и мягкие, но слова звучали крайне бесчувственно:

— Ты главный инвестор, твой статус слишком особенный. Если ты приедешь на съёмки, это повлияет на всю группу, процесс затянется.

Он сделал паузу, медленно произнося каждое слово:

— Поэтому в этот раз ты не можешь приезжать.

Бо Юй сидел на краю кровати, в руках у него был свежий номер финансовой газеты. Пальцы постепенно сжимались, пока на бумаге не появились мятые складки. Атмосфера вокруг него была крайне тяжёлой, и даже воздух в комнате словно сгустился, будто лёд постепенно расплзался, неся леденящий холод.

Внутреннее раздражение бушевало, брови были нахмурены, узкие глаза феникса прищурены, взгляд чёрный и глубокий, в глазах — явная мрачность, а на лице отчётливо читалось недовольство.

Рука, сжимавшая газету, вдруг разжалась. Гу Цичи перевёл взгляд на его кисть: костлявая, с зелёными венами, извивающимися на бледной коже, — явное усилие сдержать гнев.

— Я могу сократить количество визитов на съёмки.

Это была его последняя уступка.

Гу Цичи продолжал отказываться.

Видя, что ситуация зашла в тупик, Гу Цичи положил телефон Бо Юя, лицо бесстрастное, тон спокойный:

— Ты можешь остыть, Бо Юй. Я не думаю, что не видеть меня — это что-то невыносимое. В конце концов, твои первые двадцать шесть лет прошли без проблем, а сейчас всего два месяца. Просто потерпи.

— Сегодня я переночую в гостевой.

— Можешь заранее привыкнуть к такой жизни.

Гостевая комната, которую Бо Юй «тщательно подготовил» для него, естественно, ещё не была отремонтирована. Зато была комната для прислуги, где можно было переночевать. Гу Цичи планировал провести ночь там с А-Цы.

Он уже собрался уходить, когда Бо Юй схватил его за запястье.

На лице мужчины читалась ярость, слова звучали жёстко:

— Не надо. Я пойду спать снаружи, ты оставайся здесь.

Эта вилла была постоянным местом проживания Бо Юя. Чувство собственности у него было обострённым, характер скверный, он никогда не приглашал друзей или партнёров переночевать. Поэтому, кроме его собственной спальни, все гостевые комнаты были образцовыми, мебель — предельно простой, а в комнате прислуги была лишь кровать.

Лето стояло знойное, Гу Цичи плохо переносил жару. В той гостевой не было кондиционера, и если бы он открыл окно на ночь, чтобы охладиться, велика вероятность, что на следующий день он бы простудился.

Бо Юй в некоторых вещах был очень сознателен: как бы ни было тяжело, жена не должна страдать.

Глубокой ночью господин Бо, накопивший обиду, отправился в бар напиться, пребывая в крайней подавленности.

После той ночи Гу Цичи больше не видел Бо Юя. Тот дулся, да и в компании действительно было много дел, в результате они не только не виделись, но и редкие контакты прервались.

Дорога в аэропорт была прямой и широкой, по обеим сторонам росли платаны, закрывавшие небо. Солнце косо светило через окно машины, платаны за стеклом один за другим проплывали мимо, высокие деревья раскидывали ветви, словно разлитые чернила, густая тень пятнами ложилась на движущийся автомобиль и едва заметно — на лицо Гу Цичи.

Гу Цичи открыл окно, позволив быстрому ветру ворваться внутрь. Его мягкие волосы разлетелись, в воздухе, казалось, витал аромат трав и деревьев, лёгкий и отстранённый, смягчая летний зной.

Выйдя из машины, Гу Цичи прикрыл глаза от яркого света. Палящие лучи проникали сквозь щели между пальцами, его рука на свету была почти прозрачной, между пальцами сиял светло-

золотистый свет.

Он шёл через аэропорт, толпы людей спешили туда-сюда, шаги были быстрыми.

Лишь Гу Цичи шагал неспешно, казалось, беззаботно.

Он всю дорогу опускал голову, задумчиво глядя на катящиеся колёса чемодана. Светлые и тёмные тени пятнами ложились на его тело, лопатки просвечивали сквозь тонкую ткань белой футболки, очерчивая едва заметные контуры.

В поле зрения внезапно появились чёрные туфли, и его голова была прижата чьей-то рукой. Не нужно было гадать, чтобы понять, чьей.

Он хорошо знал эту руку.

Гу Цичи сжал губы, ресницы дрогнули. Он не двигался и не произносил ни слова.

Вэнь Си и Ло Цяньцян, шагавшие впереди, заметив, что сзади никого нет, сразу же обернулись и увидели, что перед Гу Цичи стоит мужчина.

Черты лица холодные, манера держаться аристократичная, одежда явно дорогая.

Это был тот самый человек, который ждал их тогда у подъезда, тот, с кем Гу Цичи состоял в браке по договорённости, хозяин дома, в котором они только что были.

Вэнь Си недовольно скрестила руки на груди, пристально наблюдая за ними, чтобы понять, что он задумал.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/17675/1647597>